

И.Ю. ОКУНЕВ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ В СОВРЕМЕННОЙ
ГЕОПОЛИТИКЕ: НАВСТРЕЧУ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ
(ПОСТКРИТИЧЕСКОЙ) ГЕОПОЛИТИКЕ¹**

В настоящее время современные социальные науки все сильнее испытывают парадигмальный кризис. Как правило, исследования фокусируются на узких проблемах и развивают только одну из парадигм научного знания, тогда как вероятность крупных открытий в рамках одного подхода представляется невысокой. Социальные явления возникают в результате комплекса взаимозависимых причин, что делает неубедительными объяснения в рамках только одного научного направления, что острее ставит вопрос о межпарадигмальном синтезе. Последние разработки в области геополитик в связи с этим представляют большой интерес. Постпозитивистский сдвиг затронул эту дисциплину, пожалуй, одной из последних, однако сейчас в ней явно прослеживаются тенденции к преодолению парадигмальных границ.

Классическая геополитика возникает в начале XX в. именно благодаря методологическому синтезу. У этого процесса было несколько измерений.

Во-первых, имеет место необходимость переосмыслить географию как область научного знания. Конец эпохи Великих географических открытий приводит к осознанию замкнутости, конечности земного пространства и, соответственно, стимулирует

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 15-33-01206.

переход от модели имперской экспансии к модели передела зон влияния в международных отношениях, от экстенсивного к интенсивному пути развития мировой экономики. География больше не может рассматриваться как дисциплина, только описывающая земное пространство, но она должна, вслед за другими науками, перейти на уровень теоретического осмысления. Важно не только описание расположения объектов на поверхности Земли, но и поиск их взаимосвязей. Мир к тому моменту представлялся закрытой системой, структура пространственной организации которого предопределяла характер не только физических, но и социальных процессов. В этой логике возникают первые геополитические концепции, интерпретирующие международные отношения через структурные особенности пространства, – разделение мира на сушу и море, существование мирового острова с труднодоступным центром Хартлендом и т.д.

Во-вторых, на классическую геополитику значительное влияние оказывает эволюционная теория Ч. Дарвина. Происходит попытка переноса эволюционных закономерностей с природных объектов на социальные. Убеждение, что в физическом и социальном мирах действуют общие закономерности, приводит к появлению представлений о естественных границах и необходимости территориальной экспансии как залога победы государства в естественной конкуренции видов. В то же время социал-дарвинизм позволяет переосмыслить детерминизм страноведческого подхода. Географическое положение не может детерминировать место государства в международной системе и характер его внешней политики, поскольку это исключало бы возможность эволюции как борьбы видов с победой наиболее приспособленного. Другими словами, пространство лишь создает среду, в которой конкурируют государства, и задача каждого из них – приспособиться к нему наилучшим образом, что предопределяет его победу в соревновании видов. Таким образом, еще при рождении геополитика переориентируется только с фиксации закономерностей влияния пространства на политику на задачу управления пространством.

Данное сочетание – попытка управления пространством и оправдание экспансии – приведет геополитику к системному кризису во времена Второй мировой войны, после чего она будет за-

прещена в некоторых странах. Однако уже после войны возникнут две парадигмы – ревизионистская и критическая, – которые попробуют преодолеть возникшие проблемы.

Ревизионистское направление фактически будет продолжением классического, в нем также будут доминировать представления о существовании некоторых структурных факторов пространства, оказывающих влияние на международные политические процессы. Ловушка оправдания агрессивного экспансионизма и милитаризма будет обойдена в ревизионистской школе довольно элегантно – заменой знака плюс на минус, сменой дискурса экспансии на дискурс безопасности. Подобно тому как военные министерства во многих странах мира переименовуют в министерства обороны, ревизионистская школа станет говорить об управлении пространством не с целью победы в соревновании видов, а сохранения мира и безопасности. Примером такой позиции станет концепция сдерживания в биполярном противостоянии.

Ключевым понятием ревизионистской школы вскоре станет баланс сил не только как статичное состояние (*balance of power*), но и как динамический процесс (*balancing of power*). Аарон Клиеман удачно противопоставляет традиционное понимание баланса сил как уравновешенных весов балансу сил как вечному двигателю [Klieman 2013]. Клиеман подчеркивает, что этот новый подход требует переориентации внимания исследователя с констатации формулы баланса и ее «геометрии» (биполярная, многополярная, Запад – Восток, Север – Юг и т.д.) на изучение механизмов ее формирования и поддержания. Баланс сил в таком случае перестает быть только глобальным, его составными частями становятся региональные и локальные подсистемы, в которых ключевыми акторами могут выступать далеко не только великие державы. Данный процесс, резюмирует Клиеман, конституируется не только сверху, великими державами, но и снизу, всеми игроками на международной арене.

Если основатели геополитики считали географические факторы самыми важными в международных отношениях в силу их постоянства, то современная ревизионистская геополитика разделяет более мягкий подход, предложенный Н. Спикманом. Автор утверждал, что география не предопределяет, но создает условия и предлагает возможности, а пространственные факторы должны считаться не детер-

минирующими, а обуславливающими (conditioning) [Spykman 1938, p. 28–50].

К концу XX в. у геополитиков накопились значительные претензии к ревизионистским концепциям. Каждая из пространственных конфигураций международных отношений (противостояние морских и сухопутных держав, борьба за хартленд и римленд, противостояние Севера и Юга и т.д.) имела, по меньшей мере, два существенных ограничения. Во-первых, они объясняли лишь актуальную для них международную ситуацию (так, римленд был актуален для понимания баланса сил во времена «холодной войны», но оказался неспособным объяснить постбиполярное геополитическое равновесие). Во-вторых, они были идеологизированными и зависимыми от внешнеполитических видений автора (пришел бы Х. Маккиндер к концепции хартленда, если бы не служил в Афганистане?).

На этом фоне в 90-е годы появляется так называемая критическая геополитика, отражающая постпозитивистский сдвиг в науке. Представители этого направления предположили, что геополитика государств формируется не под влиянием фундаментальных естественных законов и структур пространства, а посредством географического воображения и пространственных мифов – другими словами, под влиянием мира идеального. Это предопределило обращение к новым методам исследования, в частности дискурс-анализу, что до тех пор в геополитике казалось nonsensom. Свою историю критическая геополитика ведет, по-видимому, с 1992 г., когда Джерард О'Тоал и Джон Эгнью опубликовали статью «Геополитика и дискурс: практические геополитические рассуждения в американской внешней политике» [O'Tuathail, Agnew, 1992]. В ней была высказана мысль, что все модели глобальной политики находятся под влиянием географических представлений или даже основываются на них непосредственно, что совершенно не учитывалось классической геополитикой. Истоки направления, по всей видимости, стоит искать во французской геополитической школе: трудах Ива Лакоста и Мишеля Фуше и даже в иконографии Жана Готтманна и географическом поппозитивизме Поля Видаль де ла Блаша. Французская школа издавна оппонировала идеям географического детерминизма и пыталась выстроить альтернативную научную парадигму, что выразилось в появлении целого ряда гео-

политических течений, в частности – школы журнала «Геродот» Ива Лакоста. Его подход к пониманию взаимоотношений пространства и международных отношений очень близок критической геополитике.

Таким образом, вопреки расхожему представлению о геополитике как об одной из теорий международных отношений, близкой реализму или неореализму, критическая геополитика показала, что она, наряду с историей и теорией международных отношений, образует самостоятельную парадигму трактовки международных отношений – пространственную. Более того, геополитика не может трактоваться в рамках реализма или неореализма, в своем развитии она, как отдельная парадигма, прошла ту же эволюцию: от реализма школы географического детерминизма Х. Маккиндера и К. Хаусхофера до либерализма географии человека В. де ла Блаша, от неореализма ревизионистской геополитики Н. Спикмена до постмодерна критической геополитики Дж. Тоала. Можно сделать вывод, что геополитика переживает эволюцию, переосмысляя свои объясняющие переменные – пространство и дифференцирующиеся в нем факторы.

Тем не менее вскоре критическая геополитика оказалась под шквалом критики. Главный критический тезис сводился к тому, что при изучении пространственных нарративов география оказалась забыта. Политические процессы определялись дискурсами о пространстве, в то время как объективные географические факторы и их влияние, в том числе на формирование данных дискурсов, оставались за рамками исследования. Это привело к тому, что критическая геополитика перестала быть географической дисциплиной, почти полностью уйдя в семиотическое поле.

В начале 2014 г. флагманский журнал *Geopolitics* вышел с передовой статьей, в которой была поставлена задача достижения методологического синтеза в геополитике, который бы позволил объединить ревизионистскую и критическую геополитику для создания единой картины влияния пространства на политические процессы [Terrence, Haverluk, Kevin, 2014]. Было предложено назвать новое направление неоклассической геополитикой, хотя, на наш взгляд, название «посткритическая» также было бы уместно. Попробуем включиться в данную дискуссию и предложить возможные пути синтеза противоборствующих подходов.

Спор между позитивизмом и постпозитивизмом в международных отношениях называют третьими великими дебатами. В рамках этого спора в конце 70-х – начале 80-х годов удалось несколько подорвать доминирование реализма и либерализма в осмыслении мирополитических процессов [Lapid 1989, p. 237]. Суть спора сводилась, главным образом, к вопросу о примате объективных (институциональных) или субъективных (дискурсивных) факторов в политических процессах, а также о познаваемости или непознаваемости мира, способности субъекта оставаться объективным в процессе познания [Kratochwill, Ruggie, 1986]. В рамках спора оба направления стали сближаться, в итоге возникли школы социального конструктивизма и критического реализма.

В рамках социального конструктивизма (П. Бергер и Т. Лукман, А. Вендт, Ф. Краточвил, П. Катценштейн, Д. Кэмпбэлл и др.) социальная реальность (в том числе, политические институты) воспроизводится людьми в процессах ее интерпретации и формулирования знаний о ней. Как отмечал Александр Вендт, «люди воздействуют на объекты, включая и самих, акторов, на основе того смысла, который эти объекты имеют для них» [Wendt, 1992, p. 396].

Для понимания политического института социальный конструктивизм рассматривает не только его атрибутивные характеристики, но и дискурсивные. Политика обеспечивается не формализованными атрибутами, но риторикой, символами и их интерпретациями. Благодаря этому у общества появляется возможность изменять сам институт и его место в политической системе через его реинтерпретацию.

Идентичность, по мнению сторонников социального конструктивизма, формируется из самовосприятия и восприятия другими в результате опыта взаимодействия. Она воспроизводится в ежедневной политической практике через социальные, межкультурные, дипломатические и прочие виды коммуникации. В основе идентичности лежит динамическое диалектическое противопоставление «свой – чужой».

Социальный конструктивизм признает влияние структуры на процессы, но понимает ее шире: не только как отношения (по Д. Истону, Дж. Парсонсу и К. Уолтцу), но и как комплекс идей, речевые практики и символы. На их основе формируются социальные роли субъектов политического процесса. Если в позитивизме речь идет об одностороннем влиянии, то социальный конструктивизм

подчеркивает двусторонний характер взаимодействия. Статичному пониманию структуры противопоставляется динамический.

Одна из задач социального конструктивизма – исследование тех процессов, посредством которых человек формирует, институализирует, постигает и интегрирует социальные ценности в социальные феномены. Социальные конструкты как интерпретации реальности и объекты знания не предзаданы от «природы», они должны постоянно поддерживаться и подтверждаться.

Социальный конструктивизм можно считать умеренным направлением в рамках постмодернизма, поскольку он не разделяет эпистемологический релятивизм последнего и считает, что помимо индивидуального опыта и интерпретации социального процесса есть и некий коллективный опыт, который позволяет создавать относительно стабильные интерпретации (архетипы). Данные коллективные интерпретации обеспечивают связность общества и формируют институты и процессы, которые воспринимаются как естественные, благодаря чему их можно изучать с помощью рационального подхода. Таким образом, социальный конструктивизм оппонирует позитивизму – представлению о том, что социальная реальность определяется независимыми от сознания человека сущностями, – но, в отличие от постмодернизма, не противопоставляет ему, на основании чего может считаться метатеорией, уравнивающей два противоборствующих направления в общественных науках.

Критический реализм (Х. Пятомякки и К. Уайт), двигаясь в том же направлении, провозглашает, что материальное и «мыслимое» нужно рассматривать как единое целое. В рамках концепции объединяются онтологический реализм, утверждающий наличие реальности, независимой от сознания, и эпистемологический релятивизм, признающий, что любое мнение является социальным продуктом и поэтому может быть ошибочным. Согласно положениям критического реализма, мир состоит из событий, впечатлений, дискурсов и структур вне зависимости от того, освоены они в опыте или отражены в дискурсе [Patomakki, 2006, p. 271].

Таким образом, теоретической основой неоклассической (посткритической) геополитики может стать соединение элементов модернистской (позитивистско-рационалистической) эпистемологии и постмодернистской (рефлексивистской) картины мира [Ка-

занцев, 2009, р. 106]. Подобное сочетание позволяет использовать отдельные наработки классической геополитики модерна, однако ограничивает обращение к географическому детерминизму, природоцентризму и социальному дарвинизму и значительно расширяет понимание пространственных аспектов политики за счет включения в проблемное поле исследовательских вопросов постмодернистской критической геополитики.

Предлагаемая для неоклассической (посткритической) геополитики схема влияния пространства на политические процессы должна состоять из следующих стадий.

Нулевая стадия заключается в существовании за пределами исследуемого процесса объективного пространства. Не оспаривая его существования, мы тем не менее выводим его из схемы, потому что прямого влияния на последующие процессы оно не оказывает. Вместе с тем все последующие механизмы опосредованно отталкиваются от объективного пространства, ориентируются на него и зачастую развиваются в рамках архетипов, которые им предлагаются.

На первой стадии – *неосознанной субъективизации* – происходит первичная интерпретация пространства. Она выражается в устойчивых пространственных нарративах и закреплённом пространственном опыте. Скажем, с детства наши представления о характере и структуре пространства формируются географическими картами и нашим опытом перемещения в пространстве. Не являясь объективными отражениями пространства, а лишь его интерпретациями, данные субъективные знания воспринимаются нами как объективные. Именно последнее обстоятельство обеспечивает их устойчивость и массовое коллективное восприятие.

На второй стадии – *осознанной субъективизации* – человеческое сознание начинает порождать, реинтерпретировать и трансформировать пространство. Например, мы разделяем пространство на части, ранжируем их, выделяя центр и периферию, осознаем существенные различия в качестве пространства, формируя важные границы, привязываем к пространству наши воспоминания или желания, порождая фантомы исторической пространственной памяти или проекты необходимой трансформации пространства. Все эти процессы мы совершаем не с объективным пространством, а с его субъективным субстратом, созданным нами на первой стадии в ходе неосознанного познания пространства, однако, по нашему

мнению, наши манипуляции мы совершаем в объективном пространстве, отгалкиваясь от его объективных характеристик.

Следующая стадия – *осознанная объективизация*. До сих пор мы имели дело с индивидуальными представлениями, однако для некоторых из них возникает необходимость укоренения в массовом сознании. Именно здесь включается политика как сфера целеполагания и целедостижения. Политические процессы позволяют закрепить индивидуальные представления в массовом дискурсе, перевести их в плоскость разделяемых широкими слоями населения. На данном этапе пространственное воображение, становясь объектом интереса политических акторов, начинается закрепляться, приобретать элементы объективного.

Наконец, на четвертой стадии – *неосознанной объективизации* – происходит институционализация пространственных представлений, они переходят на уровень разделяемого коллективного бессознательного. Интерпретации пространства закрепляются в институтах, нормах, символах, что формирует представление о них как о естественных и предопределенных. Формализованные практики начинают оказывать системное влияние на общество и перестают осознаваться в качестве искусственных.

Механизма закрепления политическими процессами субъективных пространственных представлений в формализованные практики замыкается и становится цикличным.

Попробуем представить разворачивание описываемых стадий на примере института столичности.

Столица представляется одним из ключевых элементов политико-территориальной структуры государства. Это не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но и важнейший элемент, формирующий, воспроизводящий и трансформирующий ее государственность, в первую очередь, оказывающий влияние на административно-территориальное устройство, систему взаимоотношений «центр – регионы» и региональную политику государства. Номинация столицы – это процесс познания нацией самой себя, эссенция представлений народа об их прошлом, геополитическом позиционировании и образе желаемого завтра.

Столицы можно считать одним из видов центра, наиболее типичным институциональным закреплением функции политиче-

ского центра в противовес «периферии». Вадим Россман отмечает, что столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит «представление нации о себе и окружающем мире. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре» [Россман, 2013, р. 25–26].

Данное предположение можно подтвердить следующими фактами и рассуждениями.

Во-первых, название столицы часто совпадает с названием страны. В древнем мире государства возникали вокруг городов (Вавилонское царство, Римская империя и т.д.) и переносили название города-метрополии на всю страну. Однако в XX в., особенно в процессе деколонизации, новые столицы стали называть в честь государства, олицетворяя в ней идеальный образ нации. Бразилиа строилась как символ новой Бразилии, Гитлер планировал построить столицу мира город Германия.

Во-вторых, контроль над столицей часто приравнивается к победе в международной войне. В последних военных конфликтах мы часто следим за положением дел в столице (Багдаде, Триполи, Дамаске), пытаясь понять состояние противостояния в стране в целом. Исторические события, знаменующие гибель государств и, соответственно, их столиц (разрушение, упадок или просто утрата статуса), либо кардинальные государственные и политические трансформации, включающие в себя и перенос столиц, оказываются феноменальным «двигателем», «мотором», с помощью которого формируется, становится, развивается динамичная историческая география столиц.

В-третьих, столичность, начиная с древности, связана, как правило, с ритуалами сакрализации властного пространства как центра. Как скажет Д.Н. Замятин, «столица – образ и понятие, бытие которых поддерживается онтологическим статусом государства и государственности. Однако если брать немного шире, то мы, несомненно, можем говорить о различных множественных вариантах феноменологии центра мира. Это подразумевает, кроме всего прочего, обращение к космогоническим контекстам архетипического мифа об основании столицы. Так или иначе, миф о столице / столичный миф оказывается онтологической границей, соединяющей и одновременно разъединяющей феномен божественной воли и

божественного указания и ноумен непосредственного властного целеполагания и решения» [Перенос, 2013, с. 23]. Такая сакрализация особенно чувствуется в образе бывших столиц. Вокруг них формируется особый образ прошлого величия нации, ее второго отражения (сравните, например, Москву и Санкт-Петербург). В столицах также размещаются национальный музей, театр, архив, что подтверждает символическую значимость города для нации.

Наконец, иллюстрацией данной тенденции может служить дипломатический жаргон, при котором название страны заменяется именем столицы: «Москва заявила», «Вашингтон ответил».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что специфичность столицы подчеркивается как на символическом, так и на функциональном уровнях, что подтверждает наше предположение о существовании дополнительного механизма национального строительства, выражающегося в создании идеального образа нации и противопоставления его маргинальности периферии.

Процесс формирования института столичности проходит описываемые нами стадии.

Сама структура пространства предполагает существование лакун, собирающих пространственные связи, и территорий, удаленных от них, другими словами, в пространстве заложен принцип дифференциации, выделяющий потенциально центральные и периферийные точки. Однако положение столицы не предопределено только структурными институциональными факторами.

Существует два потенциальных мифа, формирующих противоположные архетипы столицы. Первый – миф о пупе Земли – о центральной точке пространства, собирающей все пространственные связи. Второй – миф о тридевятиом царстве – о главной точке пространства, находящейся на самой оконечности, в самом дальнем углу пространства, наиболее отрешенной по отношению к узловым пространственным связям. Первый архетип развивается в политиях, ориентированных на внешнюю экспансию, второй – в замкнутых на внутренние источники.

Из нашего пространственного опыта формируются представления о нужном архетипе столицы, что на следующем этапе выражается в формулировании искусственных конструкций об идеальной столице государства. В какой-то момент политический актор закрепляет одну из таких конструкций в институте столицы,

из различных образов столицы выбирается один и маргинализируются другие. Начинается процесс институционализации идеального образа столицы – в пространственной структуре города и страны, нормах и правилах политико-территориальной организации политики, символическом пространстве. Данный процесс через какое-то время приводит к осознанию существующей модели столицы в стране как естественной и предопределенной.

Таким образом, можно говорить о том, что методологический синтез позитивистских и постпозитивистских направлений в геополитике, развивающийся на наших глазах, начинает приближать нас к разгадке роли пространства в политических процессах, которая, по-видимому, состоит в соединении субъективных и объективных факторов в единую модель.

Список литературы

- Казанцев А.А.* «Конструктивистская революция», или О роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 88–114.
- Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова. – М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. – 164 с.
- Росман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения / В. Росман. – М. Изд-во Института Гайдара, 2013. – 250 с.
- Klieman A.* Balance of Power, Balancing Power and Geopolitics: Paper presented at the IPSA RC-41 // Workshop on Geopolitics & Great Powers. – Jerusalem, 2013. – P. 26–64.
- Kratochwill F, Ruggie J.G.* International organization: a state of the art of an art of the state // International organization. – 1986. – Vol. 40, N 4. – P. 753–775.
- Lapid K.* The third debate: on the prospects of international theory in a postpositivist era // International studies quarterly. – 1989. – Vol. 33, N 3. – P. 235–254.
- O'Tuathail G, Agnew J.* Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. – 1992. – Vol. 11, N 2. – P. 190–204.
- Patomakki H., Wight C.* After positivism? The promises of critical realism // Theory of international relations. Vol. 4: Contemporary reflexive approaches in international Relations / Ed. by S. Chan, C. Moore. – London: Sage publications, 2006. – P. 216–267.
- Spykman N.J.* Geography and foreign policy // American political science review. – 1938. – Vol. 32. – P. 28–50.

The three critical flaws of critical geopolitics: towards a neo-classical geopolitics /
Haverluk T.W., Beauchemin K.M., Brandon A. Mueller B.A. // *Geopolitics*. – 2014. –
Vol. 19, N 1. – P. 19–39.

Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics //
International organization. – 1992. – Vol. 46, N 2. – P. 391–425.